

639.2

С18

Н. САНЕЕВ

У КРОМКИ РОССИИ

МОСКВА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» 1979

333.40
С18

У КРОМКИ
РОССИИ

Санеев Н. В.

С18 У кромки России. М., «Сов. Россия», 1979. 224 с.
с ил. на вкл. (Лучшие колхозы и совхозы
РСФСР).

«У кромки России» — документальная повесть об истории и развитии крупнейшего в стране камчатского рыболовецкого колхоза имени В. И. Ленина. Тема становления колхоза нашла свое воплощение в судьбах конкретных людей — отважных моряков-рыболовов, долгие месяцы работающих вдали от Родины.

Рассчитана на широкий круг читателей.

С $\frac{40104-012}{M-105(03)79}$ 85-79 4002020000

333.40

© Издательство «Советская Россия», 1979 г.

ЛИЦОМ К ОКЕАНУ

Она открывается сразу вся, без утайки, как только заходишь в стиснутую дикими скалами гораовину Авачинской губы. Ее подслеповатые домишки, вросшие в склоны сопки, наверное, раньше всего замечали и первые исследователи Камчатки, входя в незнакомую для них гавань. Потому что Сероглазка, от дня своего рождения и доныне, обращена лицом к океану.

Если смотреть на село с таким нежным названием со стороны бухты, с корабля, оно чем-то напоминает распустившийся цветок. Закругленные вверху сопки круто спускаются к вогнутому полумесяцу берега. Глубокие распадки рассекают их на равные лепестки. И там, где лепестки сходятся, у их основания, — живописная площадь рыбацкой Сероглазки. Ее украшение, гордость. Обрамляют площадь красавец Дом культуры, трехэтажное здание правления колхоза, многоэтажные жилые дома, спускающиеся каскадом к бухте.

У берега, в центре полумесяца, топорщатся мачты судов, простерли в небо стальные руки могучие краны. Это рабочая часть Сероглазки — производственные цеха, склады, причалы.

Сразу за округлыми взгорьями возвышаются дымящиеся конусы Корякского и Авачинского вулканов. Даже в самую ясную погоду над ними пасутся барашки облаков. Такова широкоэкранный панорама Сероглазки, открывающаяся с океана.

А когда смотришь со стороны села на бухту, вся она, как говорится, на ладони, со всеми своими фантастическими красками. Краски зависят от погоды и времени суток: россыпь изумрудов на гребнях волн — днем, оранжевые пламенеющие блики — в часы заката, лунные серебристые дорожки — ночью. Вдали таинственные береговые очертания — изломы и изрезы.

Над ломкими берегами, сколько видит глаз, — причудливое ожерелье горного хребта, седого, искрящегося... Только летом кряж, окаймляющий бухту, расстается с суровой сединой. Яркая, насыщенная влагой зелень упрямо карабкается по склонам, выстилает их бархатным ковром, торопится добраться до самого гребня, до островерхих вершин. И не успевает. Так и выстилается на хребте сотканное искусной мастерицей природой снеговое кружево. Даже в самые жаркие дни. А над всем этим гордо возвышается конус Вилучинского вулкана, молчаливого и ревнивого хранителя первозданной красоты.

Из окон домов и кабинетов правления колхоза видны ворота Авачинской губы, а за ними — сгущенная безбрежная синева океана. И, подобно подсолнуху, всегда обращенному к солнцу, повернулась Сероглазка к этому проходу. Она всегда чего-то и кого-то ждет только оттуда, из-за скалистого поворота. Оттуда приходило самое важное в жизнь Сероглазки, в жизнь каждой ее семьи. В воротах когда-то черными точками вырисовывались первые колхозные рыболовецкие суденышки, отважившиеся выйти из бухты. Оттуда появились первые малые сейнеры и боты, которые четверть века тому назад произвели революцию в колхозном рыболовном промысле.

Гостеприимно распахнула бухта ворота и для океанских сейнеров. Через них вошел в бухту первенец

колхоза средний траулер «Керчь». А потом нетерпеливо смотрела тысячеокая Сероглазка в узкий проем, ждала с часу на час, когда там появится чудо-богатырь, первый в стране колхозный большой морозильный траулер «Сероглазка». Спущенный со стапелей в украинском городе Николаеве, он обогнул полсвета, пронес имя села через три океана и многие моря южного полушария.

У каждого села на Руси есть своя околица. За околицей водят хороводы, назначают свидания. За околицей родители дают последние напутствия парням, уходящим в армию, в большую самостоятельную жизнь. Девушки дарят поцелуи любимым и обещают ждать. У Сероглазки непохожая на другие околица — колхозный причал. От причала уходят мужья, отцы, деды в океан, в большую, полную суровой романтики, жизнь. Уходят надолго, на месяцы. И долго, пока суда не пройдут горловину бухты, не сольются с темно-синим горизонтом океана, не расходятся с пристани и те, кто провожал впервые, и те, кто привык провожать и ждать...

В последние годы Сероглазка стала местом паломничества туристов, ученых, писателей, артистов. Кто бы ни побывал на камчатской земле, не преминет заглянуть сюда.

Чем же интересуется село? Одних привлекает экзотика, другие стремятся разобраться в истоках экономической мощи колхоза-гиганта.

С этой стороны хозяйство действительно представляет интерес для экономиста, для социолога. По внешним признакам колхоз не отличается от государственного предприятия. Так же, как и на любом предприятии, по утрам через проходную к механическим мастерским, к производственным цехам, к стоящим у

причала судам валом валит народ — рыбаки, токари, слесари, корпусники, плотники, столяры, мастера, технологи, механики. У них такой же, как и на любом предприятии, режим труда. Ну, а цеха, пожалуй, не всякий завод имеет такие — просторные, оснащенные новейшим оборудованием.

Как и на заводе, колхозники, работающие на берегу, получают два раза в месяц зарплату. Живут рыбаки и судоремонтники в многоэтажных благоустроенных домах, таких же, как в городе или рабочем поселке. Отпуска у всех оплачиваемые. Условия работы колхозников определены Уставом, положениями о распределении доходов, которые разрабатываются и утверждаются на общем колхозном собрании. Ежегодно колхоз получает до 30 миллионов рублей дохода. Откуда берутся такие доходы, какую золотиносную жилу раскопал колхоз? Это золото — рыба. А кормилец Сероглазки — флот — гордость, слава, предмет постоянных тревог, радостей и забот.

Каков он, сегодняшний флот колхоза? Пятнадцать малых рыболовных сейнеров, семь океанских, семь средних и пять больших траулеров. Такого флота не имеет ни один колхоз в Союзе. И ни у одного колхоза в стране так широко не простираются нивы. Ведь для большого морозильного траулера — промыслового судна и завода одновременно — доступны все широты. Он может автономно на протяжении многих месяцев вести промысел в любой точке Мирового океана. С таким флотом колхоз сумел добычу рыбы увеличить.

Много ли он сейчас добывает рыбы? Прибегнем к сравнениям. Столько рыбы добывала вся Камчатка в предвоенном сороковом году.

В береговых цехах и на промысловых судах —

свыше трехсот высококвалифицированных специалистов, имеющих высшее и среднетехническое образование: штурманов, механиков, технологов, инженеров, радиомастеров, гидроакустиков, радистов, рыбных и траловых мастеров.

И еще любопытная деталь. В представлении многих колхозные должностные лица — это председатель, агроном, заведующие птицефермой, молочнотоварной фермой, гаражом, мастерскими, ветеринарный врач, бригадир, звеньевой и т. д. Ну а директор? А директор — нет, не вписывается вроде это слово в рамки колхозной системы. Директор совхоза — другое дело. Но как это ни необычно звучит, а в колхозе имени Ленина работают пять директоров. Правда, называются они капитан-директорами. Каждый такой капитан-директор руководит коллективом судна в сто человек. И хозяйство у него сложное. Автономное хозяйство, плавучее.

Для большого флота нужны и нужны кадры. А для кадров — жилье. В колхозе строятся пятиэтажные дома, вырастают целые микрорайоны.

Поражает многих приезжающих и еще один интересный штрих — многонациональность населения Сероглазки. На двадцати языках можно услышать песни в матросских кубриках.

Тот, кто обвенчался с Сероглазкой, любит ее, крепко связал с ней свою судьбу. И Авачинская бухта с ее суровой красотой для них — мать-кормилица. В самые трудные годы бухта давала пищу, помогала выжить, устоять против лихих невзгод. Авачинская губа — колыбель, в которой воспитались, выросли, стали знатными людьми страны многие рыбаки. В этой бухте учились ходить колхозные мореходы, прежде чем выйти в открытый океан, на ней

проверяли свои силы и мужество. От нее идут в Сероглазку все радости и все боли. В открытые настежь ворота зачастую вырывается из океана снежный ураган и бьет прямо в лицо не защищенную со стороны бухты Сероглазку, срывает крыши домов, крошит стекла в окнах. Стонут причалы, с минуты на минуту ждут беды рыбаки. Скованная льдами бухта часто не пускает их на промысел. А без промысла рыбацкой Сероглазке не обойтись, промысел — ее жизнь.

Откуда же радости, нерастраченная, не тускнеющая многие годы любовь к этому когда-то забытому богом и людьми уголку на краю России? Откуда эти чувства у людей, оставивших где-то в Рязани, на Смоленщине, в аулах Кавказа и на хуторах Белоруссии отчий кров, все, что дорого было с детства, и подавшихся в неведомое, на край света?

Как ответить на вопрос, что для этих людей Сероглазка? Пожилой рыбак с посеребренной головой может вместо ответа показать свою рабочую ладонь с глубокими незарубцевавшимися прорезями на сгибах пальцев.

— Вот она, Сероглазка, здесь у меня, — скажет он.

Просоленные морской водой канаты и сети навсегда оставили след на руках рыбака. А в детстве он, сын приволжских степей, не видел моря и не знал, что мир так широк, что он не кончается за горизонтом, за который скатывается вечером солнце. Но так случилось, что пришлось ему не землю пахать, а бороздить широкие морские просторы. И эти порезы на руках — профессиональные отметины его трудового пути.

А еще рыбак приложит ладонь к левой стороне груди.

— И здесь она у меня, Сероглазка, — скажет он.

Да, и в сердце она у него. Потому что здесь, на берегу далекой бухты, было его первое свидание, здесь, на рыбной пристани, он издали нетерпеливыми глазами отыскивал в толпе встречающих своего первенца, возвращаясь с промысла. А потом... Потом сам приходил на пристань провожать в далекий рейс неведомо когда выросшего сына. И ворочался по ночам, вслушиваясь в завывание пурги за окном, и думал: как они там? Успели ли укрыться? И чуть свет шел в приземистый домик на берегу бухты — на колхозную радиостанцию. И диспетчер, читая в его глазах тревогу, ободряюще говорил:

— Все в порядке, батя, штормуют... Ничего с ними не случится.

В распадке между двумя сопками, сбегаящими к центральной усадьбе колхоза, расположено сельское кладбище. Над многими могильными холмиками — тронутые ржавчиной якоря. Здесь прах тех, кто обживал этот край, клал первые кирпичи в строительство новой, колхозной жизни. И мечтал увидеть Сероглазку такой, какая она есть сейчас. Память праху отцов, верность их заветам — тоже источник привязанности к этому суровому клочку земли на окраине России.

Но самый богатый источник, питающий любовь людей к Сероглазке, — это все содеянное их руками, выношенное в сердце. Каждый камень, заложенный в фундамент дома, торчащий на берегу остов теперь уже никому не нужного, отслужившего свой век старенького катера, разбитый на улице сквер, залитый асфальтом тротуар — все, все это какой-то этап в жизни Сероглазки и в судьбах людей.

И эта книга о них, самых разных по характеру и возрасту, но таких похожих по своей страстной

увлеченности делом, которому они посвятили свою жизнь.

Эта книга о тех, кто создавал в Сероглазке первую партийную ячейку, закладывал фундамент нынешнего самого крупного в стране рыболовецкого хозяйства.

И о тех эта книга, кто взял из рук своих отцов штурвал и вывел большие колхозные корабли на широкие просторы Тихого океана.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР

— Вот и весь разговор. За этим тебя и приглашали. Сладкую жизнь сулить не будем. Да и не тебя утешать. Тертый ты в этих делах, больше нас знаешь, что тебя ждет.

Николай Михайлович Бабенков, в то время первый секретарь Елизовского райкома, привстал из-за стола, этим самым подчеркнув, что сказано все. И уже вдогонку напомнил Старицыну, директору моторно-рыболовной станции:

— Позвони, как пройдет собрание. Тогда и поздравлю с избранием. А пока погожу. На всякий случай...

Среднего роста, грузноватый, с одутловатыми красными щеками, этот человек никогда и ни в чем не любил проявлять поспешности. Не в его натуре это было. Размеренные движения, скупые жесты и такие же действия отличали секретаря. Редко бывало, чтобы он вспылал. А если и случались взрывы, то они происходили где-то глубоко внутри и при разговоре как

бы растворялись в растянутом и окающем говоре.

От рыбных дел Николай Михайлович всегда стоял несколько в стороне. Основная отрасль в районе — сельское хозяйство. В него он окунулся поглубже и занимался в основном им. К тому же рыбаков то городу передадут, то опять в район возвратят.

Пропадал в рыболовецких хозяйствах второй секретарь — Георгий Филиппович Ментилев. Он и ныне работает в Петропавловске. Руководит городским комитетом народного контроля с первого дня его создания. Особенно ему доставалось в последнее время, в период подготовки к объединению колхозов.

По несколько дней подряд проводил он в артелях. Разговаривал с людьми, убеждал в необходимости объединения, подготавливал, как говорится, психологически рыбаков к новому этапу в их жизни. Поэтому Николай Михайлович и на сегодняшнее собрание уполномоченных всех трех артелей, которое окончательно должно было сказать, быть или не быть новому, объединенному колхозу, посоветовал ехать ему. Все-таки он больше разбирался в создавшейся обстановке, лучше знал настроения людей.

А настроения были — не разбери пойми. Что ни человек, то свой устав. Правда, насчет кандидатуры Старицына на пост председателя сомнений особых не было. Должны его избрать. Столько лет на виду у всех артелей был, батькой, считай, для них являлся. И тем не менее и тут Бабенков не спешил: «С поздравлением погожу, на всякий случай!» В этой, казалось, ничего особенного не выражающей фразе, улавливалась и тревога: «А дьявол его знает, как это все может повернуться».

Из райкома Старицын подался к себе, в Сероглазку. «Газик» споро уминал километры вспотевшего под

апрельским солнцем асфальта. Вдоль дороги с обеих сторон — горы снега. Его сгребали на протяжении всей долгой выюжной камчатской зимы трудяги-бульдозеры, поддерживая единственную на полуострове дорогу, связывающую город с кормильцем — сельскохозяйственным районом. Набросали столько, что кажется, будто пробираешься по узкому ущелью, стиснутому горными хребтами. Но апрельское солнце уже начало их подтачивать. Снежные горы постепенно темнели, обессочивались и выглядели, как выветренные скалы. Дунь на них посильней — и зашуршат, расползутся. «И ничего не останется, — с грустью отметил про себя Михаил Константинович. — Пробьется первая зелень, и забудешь, была ли зима у нас, на Камчатке»...

Что-то привычное уходило из жизни Старицына и сотен других, с кем рука об руку он прошел не один десяток лет. А на смену шло захватывающее, большое, но пока еще не осмысленное, не испытанное, а поэтомустораживающее своей неизвестностью. И хотелось хоть мысленно задержаться, немного побыть в этом привычном и обжитом, выверенном и надежном.

Таким надежным и устойчивым была для Михаила Константиновича моторно-рыболовная станция, которой отдана чуть ли не половина жизни. Почти три десятилетия она была единственно верной, единственно возможной на том этапе развития колхозов технической базой, опорой колхозных рыбаков, кузницей промысловых и технических кадров, организаторским центром. Разве не выдержала она испытание в первые годы становления колхозов, не на ее ли плечи легла вся тяжесть в годы войны?! А сколько забот было у страны в послевоенный восстановитель-

ный период! Но незабытым остался и в это сложное время затерянный на ее окраине уголок. Пошел сюда флот. Рыболовные боты, малые сейнеры. Не успели как следует освоить эти суда, пришли океанские сейнеры. Прибрежный лов стал утрачивать свое значение. Близкий, но страшный своими штормами океан перестал быть недоступным.

С ростом флота прибавилось забот у совета председателей колхозов при станции. Определение плана на год, распределение судов, организация промысла, подготовка орудий лова, снабжение — всеми этими важнейшими производственными делами занимался совет, во главе которого стоял директор станции. И вот в ту пору, когда, казалось, моторно-рыболовные станции набрали силу, и пробил их час...

В текучке буден просто некогда было присмотреться, осмыслить, уловить те свежие ростки, которые пробивались к свету. Окрепшие к концу пятидесятых годов рыболовецкие колхозы стали тяготиться своей зависимостью от моторно-рыболовных станций. Они стремились к хозяйской самостоятельности. Путь к ней был один — концентрация рыболовной техники в руках колхозов и максимальное ее использование. Эта же тенденция к концу пятидесятых годов отчетливо проявлялась и в усложнившихся взаимоотношениях между колхозами и машинно-тракторными станциями. Сосредоточив у себя наиболее квалифицированные кадры механизаторов и технику, эмтэсы, по существу, отстранили основную рабочую силу — колхозников — от орудий производства. А это не могло способствовать развитию колхозного производства.

Центральный Комитет чутко реагировал на происходящие в деревне глубинные процессы. В феврале

1958 года Пленум ЦК КПСС признал необходимым перейти к продаже техники и сельскохозяйственных машин непосредственно колхозам, а МТС постепенно реорганизовать в ремонтно-технические станции.

В том же году произошла реорганизация моторно-рыболовных станций. Колхозы приобрели флот, стали полновластными его хозяевами. А станции были преобразованы в ремонтные базы. И чуть ли не с первых шагов их деятельности стало видно: в такой роли они долго не просуществуют.

Их работа чем-то напоминала работу врача, принимающего пациента на дому. Пришел пациент, заплатил за услуги — хорошо, можно жить. А если не пришел? Пациенты же — колхозы — сразу стали очень разборчивыми, смотрят еще, где выгоднее отремонтировать судно: на станции, или, может быть, договориться с судовой верфью или судоремзаводом.

«Нет, не жильцы мы с нынешними функциями, — терзался директор станции Старицын. — Что-то не додумано с реорганизацией. Именно у нас, в нашей системе».

Но нежизненность ремонтных станций в новых условиях волновала не только его, Старицына. Эта проблема изучалась правительством в масштабах всей отрасли хозяйства. К ней было приковано внимание партийных органов Камчатки, Сахалина, Приморья.

...Зажав в руке пучок карандашей, внимательно, стараясь ничего не упустить, слушал Старицына первый секретарь Камчатского обкома партии Михаил Анатольевич Орлов. Когда тот останавливался, в кабинете наступала тишина и слышно было, как поскрипывают трущиеся друг о друга карандаши.

— Значит, вы предлагаете на базе ремонтной станции создать объединенный колхоз? В этом есть смысл.

Мы у себя на этот счет уже обменивались мнениями.

Приободренный словами Орлова, Старицын начал было с жаром развивать дальше свои соображения, но Михаил Анатольевич остановил его:

— В деталях вы все продумали, все учли? Как это все будет выглядеть?

— Что именно?

— Как что? Все. Все, до мелочей.

Старицын начал перечислять, какие выгоды и перспективы сулит эта перестройка. Во-первых, весь флот будет сконцентрирован в одних руках. Это значит, рухнут все нынешние перегородки. Председатели перестанут заглядывать из-за своего забора на соседа, подсматривать, кого бы из капитанов или механиков переманить к себе, как бы получить под разными предлогами еще одно новое судно, выбить фонды на запчасти, материалы для строительства. Оперативнее и полезнее будет использоваться сам флот, лучше он будет укомплектован специалистами. Наладится и дисциплина. Люди не станут бегать из колхоза в колхоз. Ведь что получается сейчас: видит рыбак, что судно его в пролове, — уходит к соседу. И там его принимают, потому что людей не хватает.

Во-вторых, ремонтная база. Каждый колхоз сейчас старается слепить свою мастерскую, хоть примитивную, но свою. Ни одна из артелей пока не в силах в одиночку построить настоящую ремонтную мастерскую. Ремонтная станция может послужить для этого надежным фундаментом. Ее можно расширить, чтобы она могла удовлетворять потребности увеличивающегося флота. Не нужно будет голову ломать и насчет кадров ремонтников. Они перейдут в колхоз вместе со станцией.

И в третьих, — и это, пожалуй, самое главное, —

увеличатся в несколько раз доходы колхоза. Пожалуйста, приобретай новые суда, расширяй, значит, промысел, строй жилье, клуб, школу, детский сад. Словом...

— И это все? — поняв, что самое главное Михаил Константинович выложил, остановил его Орлов. Его вопрос привел Старицына в замешательство. «Разве этого мало? Вроде со всех сторон выгодно», — отметил он про себя. А вслух сказал:

— Кажется, все...

Секретарь поднялся, медленно пошел вдоль ряда стульев, стоящих у длинного стола.

— В общем, полный ажур, хоть сегодня принимай решение. Концентрация флота — дело, безусловно, нужное. К этому мы рано или поздно придем. Единое управление, решение проблемы кадров, рост доходов и разумное их использование... Тоже верная позиция. Все правильно вроде. С экономической стороны. С экономической! — подчеркнул он.

Старицын недоуменно посмотрел на него. Уже собрался сказать что-то вроде того, что экономическая целесообразность и толкает, мол, нас на этот путь, но его остановил предупреждающий взгляд секретаря.

— Ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос, — вдруг переходя на «ты», сказал Орлов. — Кому все это, о чем ты тут долго говорил, нужно?

— Как кому? Государству, прежде всего. Пользы-то больше будет.

— Верно вроде говоришь, — покачал головой Михаил Анатольевич. — Ну, а как люди к этому отнесутся?

— Вон вы о чем! Разве не для людей это делается? Им разве хуже от этого будет? Я же говорил, больше станут доходы — значит, и на долю колхозника боль-

ше будет приходиться. И жилье, клуб, ясли, магазины — тоже ведь для них.

— Это кто так думает?

— Как кто? Я, ну и другие...

— А они?

— Кто они?

— Ну, люди, колхозники, например, которых объединять собираетесь. С ними-то советовались? Как они-то смотрят? Для них же, сам говоришь, все это делается.

Рука у Старицына невольно потянулась к затылку.

— Все расписали, а вот психологический момент в ваших планах и выпал, — уже добродушно продолжал секретарь. — А он, пожалуй, самый главный. Человек к месту своему крепко прирастает. Иной раз так корни пустит — никакими калачами не выманишь из насиженного гнезда. А вы что колхозникам предлагаете? Флот в едином кулаке, доходы большие, жилье, клуб, ясли и прочее. И все это будет. А зачем им это «будет», если их, возможно, устраивает то, что они имеют?

Михаил Анатольевич прошел к столу. Постоял, поскрипел зажатými в руках карандашами, прикидывая, не упустил ли чего важного.

— Конечно, ориентироваться на такие семьи, которые намертво приросли к месту, не следует, — зашел он с другого конца. — Пусть присмотрятся, что к чему, потом сами поймут и придут. Но советоваться будем со всеми. С каждым. И вот тогда уж и на правлениях, и на собраниях обсудим это дело. Нельзя забывать о колхозной демократии. Вот так, я считаю, будет правильно. — Склонил голову на плечо. — А идея, в общих чертах, верная. Надо бороться за нее, — заключил он.

...Трудно было предположить, что так туго будут идти люди на объединение. Особенно цепко держались за старое рыбаки артели имени Сталина. Она была расположена на противоположной от Сероглазки стороне бухты. Уже эта изолированность от областного центра, от моторно-рыболовной станции наложила свой отпечаток на жизнь колхозников. Меньше им приходилось надеяться на постороннюю помощь. Стаскивали они в свой колхоз все, как говорится, по бревнышку. Устраивались надолго, навечно.

И вот, на тебе — объединение! Колхозам имени С. М. Кирова и «Красная связь» еще куда ни шло. Им хоть трогаться с места не надо. А тут все бросай, все, что годами накапливалось, сообща наживалось по крохам. Нет, мало кого обрадовало предстоящее объединение в колхозе имени Сталина.

А кировцы? Вот уж кому, казалось, и думать на этот счет нечего. Рядом будут ремонтная база, пирс. Под боком город. Люди — на месте. Никаких забот о переселении. Вроде бы одни выгоды от объединения... Оказывается, нет, — и они на дыбы. Нам, мол, и без соседей неплохо живется. Не хватает еще иждивенцев...

Кировцы считали себя более зажиточными. И судов у них было больше, и план добычи выше. Добрая слава тоже самолюбие щекотала. Еще бы! Два колхозных капитана — Герои Социалистического Труда, гордость всей Камчатки. Один из них, Иван Игнатьевич Малякин, — депутат Верховного Совета. Нет, не хотелось, ой как не хотелось делиться им своими преимуществами с соседями. «Разрешите только нам, — просили кировцы, — и мы ремонтно-техническую станцию сами приобретем. И без объединения денег у нас хватит».

Дело с объединением затягивалось. Председателей всех трех колхозов приглашали в Елизовский райком партии, в обком. Разговаривали, убеждали, мирили. Но выходили они из райкома или обкома — и опять каждый стоял на своем.

Колебания, нерешительность, выжидательная позиция руководителей колхозов объяснялись еще одним немаловажным обстоятельством: не было перед глазами живого примера. Никто не представлял, как он будет выглядеть, этот объединенный колхоз.

Подтолкнула дело поездка Николая Михайловича Бабенкова на Сахалин. Там уже сделали первый шаг, объединили несколько артелей на базе ремонтно-технической станции. На заседании бюро обкома партии Бабенков рассказал о структуре нового объединенного колхоза. Оставалось сделать только поправки на местные специфические условия.

Лед тронулся. Председатели колхозов наконец сдались. Начались теперь баталии на заседаниях правлений, потом на общих собраниях. Трудно сейчас поверить — но по три дня кряду кипели страсти на собраниях. В прокуренных помещениях гвалт стоял с утра до вечера. Уполномоченные голоса посрывали, доказывая выгодность объединения.

Наконец, от каждого колхоза были избраны уполномоченные на общее собрание. Оно назначалось на вечер. А утром Старицына вызвали в райком. И вот эта беседа с Бабенковым. И предложение по всей форме...

Длинной показалась Михаилу Константиновичу в этот тревожный весенний день знакомая дорога от Елизова до Сероглазки. Столько было передумано за какой-то неполный час...

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЦОМ К ОКЕАНУ	5
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР	12
СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ	22
МАКСИМОВСКАЯ ВЕТВЬ	28
ШКИПЕР МАЛЯКИН	39
СТАРШИНА	81
КОЛХОЗНЫЙ КОНСТРУКТОР	105
НАСЛЕДНИК	111
РЫБАЦКИЕ ЖЕНЫ	123
ВСЯ ЖИЗНЬ И ОДИН РЕЙС	128
ИДЕТ ПОДКРЕПЛЕНИЕ	160
НАЙДИ СВОЮ СУДЬБУ	172
КТО ПРИДЕТ НА СМЕНУ	184
ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ	199
ОДОЛЕНИЕ	210